

Вера Зубарева

Вдали от берега

Записки моряка

Памяти моего отца Кима Зиновьевича Беленковича (1923-1999) капитана дальнего плавания, старшего лоцмана Одесского и Ильичевского портов, журналиста и писателя, «лоцмана на трубе», прошедшего «Моздок» в порт.

Так выглядит дневник, который отец вел на промысловом судне во время плавания в антарктических водах с 8 января по 10 мая 1956 года. Четыре месяца вдали от родных берегов сложились в документальную повесть, или нет – скорее в документальную поэму.

В 1956 г. он становится старшим лоцманом Одесского торгового порта. За все годы службы не имел ни одной аварии, был ударником коммунистического труда, не будучи коммунистом, и неоднократно завоевывал звание «Отличник в социалистическом соревновании».

Но помимо всего он был журналистом, успешно публиковавшим свои очерки в газетах и журналах. Перо его завораживало

читателя, которому открывались не только неведомые дали, но и душа живая того, кто о них повествовал. Его теплый негромкий голос привлекал тех, кто был чуток к красоте мира. Выстраивались очереди в газетные киоски за номером с очередным его очерком. Из редакций приходили все новые запросы.

«Уважаемый товарищ Беленкович!

Ваши два материала «По Суэцкому каналу» и «В Сингапуре» опубликованы. Посылаем Вам номер «Советского флота» с Вашими путевыми заметками о пребывании в Сингапуре. Надеемся, что сотрудничество, которое установилось между нами, на этом не прекратится. Мы бы хотели иметь «путевые заметки советского моряка» о посещении Гонконга, портов стран Среднего и Ближнего Востока, США и Англии. (...)

С уважением,

редактор газеты «Советский флот» по иностранному отделу
В. Юрзанов»

Одна из ведущих в то время газет Министерства морского флота СССР, «Водный транспорт», поручила отцу написание очерков и репортажей для газеты и выдала специальную бумагу, в которой просила работников Черноморского пароходства «оказывать тов. Беленковичу содействие в сборе материала».

Нет, это не были формальные заметки обозревателя, сдобренные необходимой долей патриотизма. Это было живое слово о мире, проникновенное, полное психологизма, с неподдельной ностальгией моряка по своему берегу, родному и далекому, достичь которого можно было, только преодолевая шторма и ветра, и зачастую рискуя жизнью. Сколько неподдельной любви к дому и родному городу сквозило в каждой его строчке! И читатель, как бы скептически он ни был настроен к реальности, вдруг проникался негромким голосом отца, повествующим о том, что дорого.

Письма приходили и от читателей, и от редакторов. Вот, к примеру, отрывок из письма заведующего отделом информации газеты «Молодежь Украины» А. Розена:

«Итак, в период 17-30 апреля вышло шесть Ваших очерков. Последний, седьмой, будет опубликован после праздничных дней: числа 6-7. В коллективе, да и читатели, очень довольны этим материалом. Не стоит

бросать это дело: у Вас бойкое перо, мы не очень правили воспоминания. Приятно было их править».

Приведенный ниже дневник лег в основу некоторых отцовских очерков и рассказов, вышедших в Одессе годы спустя отдельной книгой под названием «Голубые мили».

Ким Беленкович

1956. Из «Промыслового журнала»

8 января

Все говорило о приближении к суровым антарктическим водам. Исчезли летучие рыбки, по небу проносились еще светлые облака. Еще позавчера не укрыться нигде от палящего солнца, а сейчас ночью на вахте прохладно и в меховой безрукавке. Появились первые альбатросы. Эта большая красивая птица медленно парит над штормовым океаном и не шелохнет крылом – лишь подставляет под воздушные струи то кончики крыльев, то все крыло. Быстрый черный буревестник появился на короткое время в видимости и сразу пропал за гребнями волн.

Ревущие сороковые еще впереди.

22 января

Прошло 19-е, 20-е, 21-е, и теперь можно писать, что ревущие сороковые уже позади. С 1948-го впервые они не оправдали своего названия. Все эти дни стояла хорошая ясная погода к немалому удивлению всей команды. Слабые переменные ветры, птицы, первые фонтаны китов и спокойное море, правда, температура

воздуха понижалась до 10 градусов. Здесь значительно холоднее, чем в нашем Северном полушарии. Сейчас по времени и широте мы находимся соответственно примерно на широте Одессы в самый жаркий месяц лета – июль.

С утра ветер стал усиливаться, барометр, который с этого момента все поднимался, начал падать: пять баллов, шесть, семь, доходит до восьми. Разлохматился океан, и качка увеличилась. Впереди идет танкер. Его качает намного меньше. Он как увалень переваливается с борта на борт. Благо ветер попутный – нет стремительных бросков. Брызги волн не летят на мостик.

В столовой играют в домино. Домино одно, а желающих много, и игра идет на высадку. У трубы на банкете сидят несколько человек. Здесь тепло и нет ветра. Разговор ведется о береговых делах и морских дорогах. Но дождь разгоняет собравшихся. На камбузе повар, как фокусник, колдует у своих кастрюль. К чаю он наколдовал неплохие пирожные.

23 января

Наконец в приемнике слышались знакомые голоса. Слышно «Славу». День становится длиннее, но к удивлению, до сих пор не видно ни единого айсберга.

Танкер ушел вперед, и мы двигаемся одни. На ночь приходится не более 4-х часов. Ясная погода часто сменяется туманами. Барометр лезет вниз.

25 января

Барометр упал до 742. Появились первые айсберги. Пингвины ныряют у борта и кричат гортанными голосами. Стало прохладно – температура упала до +1, вода теплее на полградуса. Идем на юг.

28 января

26-го встретились с флотилией. Гарпунер придирчиво осматривает каждую мелочь своего хозяйства. Завтра охота. И вот наступило завтра. Финвалы бродят группами и близко не подпускают. Сутки отделяются от других короткими серыми сумерками. Ночь пропала. До самых сумерек гонялись за китами. Три выстрела, три промаха, дрейф.

И вот, наконец, первый кит. Морской гигант испугано бежит от маленького китобойца, отворачивает, уходит в глубину – пытается спрятаться от преследования, и один неосторожный выпад у носа верткого суденышка решает его судьбу.

30 января

Огромный хвостовой плавник обрезается, и на нем вырезывается цифра «1» и сверху «10» – номер китобойца. Январь подходит к концу. Сегодня план выполнен. Погоды стоят маловетренные, иногда туманы и всегда сплошная облачность. До полярного круга всего сотня миль, но льдов не видно. В этом году льды отступили значительно дальше на юг. Огромные айсберги, настоящие плавучие острова встречаются очень часто. В воде и на айсбергах много птицы и пингвинов – этой удивительно интересной птицы.

Вот на небольшом разрушенном айсберге собралась группа пингвинов. Они спокойно отдыхают на льду, но не все. Отдых их охраняется двумя часовыми, которые разместились сверху

на самом видном месте. Они исправно несут свою службу и поворачивают головами в разные стороны, чтобы вовремя заметить опасность, которая грозит их соплеменникам.

Природа. Как говорится, фауна и флора. И человек, который все это наблюдает, осмысливает, делает свои выводы, выводит законы и правила.

31 января

Очень многолюдно сейчас в Антарктике и Антарктиде. Рыщут по необъятным просторам океанов, как голодные псы, китобойные флотилии, пожирают тысячи и десятки тысяч китов и никак не могут насытить свое прожорливое чрево. Все мало!

А на материк впервые в истории земного шара высаживаются первые робинзоны науки, следопыты последней неизведанной земли. Что ждет их там? Что нового принесут нам их смелые попытки проникнуть в тайну шестого континента?

Сейчас в Антарктиде лето и день. Солнце, если его можно было б видеть за сплошной завесой облаков, не сходит с неба

Крайнего Юга, сравнительно тепло – немногим ниже нуля градусов, огромные ледники сползают с гор в океан и, обламываясь, образуют гигантские айсберги – достопримечательность антарктических вод. Вероятно, летают птицы. Но чем они там питаются?

Работа занимает все мысли и все свободное время. А что же было бы иначе? Не дай бог бездельные мысли в свободное время! Меньше думать, больше действовать – вот, по моему, лозунг исследователей холодных стран.

18 февраля

Небольшой шторм. Туман. Ночь темная и холодная. После боевого дня китобойца собирают с флотов китов. Репродуктор ни на минуту не замолкает. База с трудом успевает разделять доставляемых китов. Месячный план почти выполнен. И вдруг тихий встревоженный голос:

– Алло, девятый, будьте вблизи меня, ударился о подводную часть айсберга. Алло, девятый, я пятый, как слышите меня?

– Ясно, пятый, иду на вас.

На мостике пятерки нес вахту второй помощник Симокин. Грузный, среднего роста, малоразговорчивый с широким одутловатым лицом, к которому был прилеплен курносый нос. Рядом стоял капитан – небольшого роста подвижный темпераментный человек со смуглым лицом и черными курчавыми волосами. Оба всматривались в свистящую темноту ночи.

– Где-то здесь рядом должен быть, да разве заметишь в такой тьме?

Фонарик погас – только чудом наткнешься на него.

Капитан, не отрывавший глаз от бинокля, пробормотал что-то в ответ, продолжая вглядываться в ночь. Косые полосы снега закрыли горизонт. Холодно на открытом мостике, рулевой переминается с ноги на ногу. Непрерывно вращалась антенна локатора, светился бледно-салатным светом круглый его экран. Справа и слева на экране выделялись яркие светящиеся полосы – айсберги. Но до них далеко. Ближайший – в четырех милях. Где же кит? И люди на мостике, вооруженные биноклями, до боли в глазах всматривались вперед.

Резкий удар потряс китобоец, и он накренился на левый борт. Капитан рванул ручку телеграфа «Стоп». Машина остановилась. Полуодетые люди выбежали наверх, не зная, что случилось. Капитан сбежал с мостика. Рядом с бортом плыли темные, сливающиеся с водой обломки разбитого ропака.

– В трюм поступает вода! – взволнованно доложил боцман.

Зазвонили тревожные звонки авральных сигналов. Водяная тревога. Вся команда была уже на ногах и приступала к борьбе с водой. Тяжелый брезентовый пластырь был опущен на место пробоины. Но вода прибывает все больше и больше. Вот уже волны разбивают переборки, койки, мебель; скручивали в жгуты костюмы и оставшуюся одежду.

Команда едва держалась на ногах от усталости. Водолазы по несколько часов работали в затопленном трюме, долбили деревянный настил, срывали доски, чтобы добраться до пробоины. Острым крюком была порвана водолазная рубашка. Затоплен трюм, вода подходит к кубрику, палуба кубрика залита водой, нижние койки затоплены, все выше и выше поднимается вода. Все насосы не могут остановить поток воды... На ручной насос становятся все новые и новые люди, но все усилия тщетны – вода прибывает. Лишь когда уровень воды в кубрике сравнялся с уровнем воды в океане, поступление ее прекратилось. Кубрик затоплен, но кораблик держится на воде.

В радиорубке радист сообщает на базу обстановку.

Капитан-директор не спит. В напряженной обстановке голос его кажется еще более спокойным.

– Девятый, приготовьте все спасательные средства к действию, подготовьте к спуску шлюпки, – приказывает он.

– Все готово, товарищ капитан-директор.

Эфир замолкает. Еще полчаса назад непрерывно работавший приемник умолк. Все служебные разговоры прекращены, все с тревогой следят за борьбой команды потерпевшего китобойца с грозным нашествием воды.

– Иду полным ходом к вам, – сообщает капитан-директор.

До утра продолжается упорная борьба команды за плавучесть корабля. Утром база подошла к китобойцу. Завезены дополнительные пластыри, мощный насос откачивает воду из трюма, за борт спущены водолазы. Трое суток нечеловеческих усилий заставляют стихию покориться. Вода не прибывает, насосы откачивают воду, и электросварщик варит первый шов на растерзанном теле корпуса. На пятый день китобоец снова вступает в строй для полноценной работы.

24 февраля

Флотилия движется на запад и опускается на юг, ближе к берегам Антарктики. Температура воздуха падает. 24 февраля в полдень пересекли Южный полярный круг. Китов нет. Китобойцы рыщут по всем направлениям в поисках китов. Но еще не холодно. Термометр показывает минус шесть градусов. Айсбергов и не счесть. Они

усяяли океан, и даже в сильнейший шторм могучие волны не в силах пошелохнуть эти величественные громады. Волны разбивают айсберги, придают им причудливую форму колонн, кортиков, арок фантастических шпилей, и в один прекрасный день подмытый и истерзанный айсберг разваливается на тысячи осколков.

25 февраля

И вдруг снова несчастье – потек котел, остановилась динамо, погас свет, в помещения забирается промозглый холод, не работает камбуз – сухую пищу запивают холодной водой.

Трое суток устраняли течь котла.

28 февраля

Вперед, на запад. Ближе берега Антарктиды. Появляется большое количество птиц.

29 февраля

Туман налег густой и бесконечный. В радар видим айсберг. Нет, это даже не айсберг, а часть водяного барьера, опоясывающего Антарктиду. В длину он достигает 16 миль (около 30 км). Чуть подальше такой же айсберг немного меньших размеров – 12 миль. Плавание даже при наличии современных приборов представляет опасность. До ближайших островов и берега материка остается всего 60 миль.

2 марта

Снова потек котел. Стоим у базы. Настроение бодрое... в господа и в бога душу...

Однако уже вторые сутки пошли. Получили посылки, письма, телеграммы. Письма... В письме сразу видишь человека. Очень трудно написать письмо, в котором не была бы видна душа человека. Кто бы ни был по характеру человек, если он пишет не ради повинности, всегда найдет самые теплые слова, чтобы выразить свои чувства, чаяния. Фальшь, даже пусть она будет выражена самыми красивыми словами, не способна затронуть сокровенные струны нашего существа.

Все эти дни двигались на восток.

11 марта

Шторм в течение пяти суток свистел в снастях, обдавал брызгами людей на мостике, заливал волнами палубу. Март – весенний месяц, месяц штормов и морозов, месяц коротких дней и обледенения. Ночи стали длиннее и очень темные. Солнца и звезд почти никогда не видно – тучи, тучи, тучи. Когда на минуту ночью прояснится кусочек неба, появляются слабые мутные звезды. Самое яркое созвездие здесь, пожалуй, Южный Крест да Орион.

Профсоюзное собрание. Обычно, как и всякие собрания, начинается скучно, официально. Но с планом плохо. Гарпунер молодой, работает первый год. Он берет слово, говорит не спеша.

– Конечно, опыта у меня маловато, иногда и промахнешься, иногда не туда и повернешь. Повернешь вправо, а кит слева оказывается. Но вот с бочки тоже не всегда говорят, когда кит выходит под носом. Вчера я смотрю вправо, а кит слева вышел. Боцман не крикнул вовремя. Пока заметил да развернул пушку, кит и занырнул.

...Боцман молодой, три года как демобилизовался. Завел рыжие запорожские усы. Встает, начинает тихо говорить. Едва слышно. Смотрит на руки, которыми уперся в стол.

– Правда, не заметил вчера. Надо как-то привыкнуть смотреть сразу за всем. Смотрю я за одним китом, на которого, значит, охотимся, ну и докладываю: справа. А другой возьми и выйди слева. Я его и не заметил. Ну так и получилось, – он отрывает взгляд от рук, голос становится тверже. – Вот хотел бы еще сказать об отношении к соцсобственности, ну не так громко – к своему добру. Да, значит. Машинистам шланги, приготовил все. Берите, пользуйтесь. Набрали это они воду. Сломали один рожок, между прочим. И бросили мокрый шланг. А я смотрю – уберет ли кто, просушит ли. Только на вторые сутки забрали на котел сушить. Никто ведь не подумает снять мокрые сапоги и бросить – пусть валяются, гниют. Нет, это свое, собственное. А это чье? Дядино? Нет, товарищи, это тоже свое, за это надо тоже деньги платить, и больше, чем за сапоги. Вот я и хочу, значит, сказать: смотрите за каждой вещью, нянек тут нет за каждым ходить и прибирать.

17 марта

Реакция на критику: не тронь меня – и я тебя трогать не буду, а если тронешь – все вспомню, и даже если нечего, то о прабабушке (она нечестная была или что-либо в этом роде).

Другое выступление: хочется и колется. Не выступить – ударить в грязь лицом перед коллективом, а выступить – навлечь на себя неудовольствие того, о ком надо сказать. Выступление дипломатическое. И овцы целы, и волки сыты. Обе стороны довольны. А выступающий с видом победителя садится на место...

Все время на восток, все время за полярным кругом. Дни значительно короче. Ночи длинные и невероятно темные. Близится полярная ночь. Очень дает себя чувствовать холод, туманные снежные заряды, шторма.

С почтой не ладится. Промах за промахом. Значит, нет китов, страдает материальная заинтересованность, и некоторые финансово впечатлительные натуры начинают пить. Погода благоприятствует питью – создает настроение. Многие откровенно высказываются: домой. Пожалуй, большинство, если не все, такого мнения. Убита минка, разделали, взяли немного мяса и сала, а остальную шестиметровую тушу выбросили за борт.

18 марта

Двое суток не стихал шторм. Только в шторм можно представить себе бесконечно малую величину китобойца по сравнению с необъятным простором водной стихии. Китобоец, как букашка, взбирается на гигантскую водяную гору, кренится, уходит

по самую надстройку в воду и, отряхнувшись, как утка, вновь гордо появляется на вершине гребня, чтобы в следующий момент снова сорваться по склону волны.

22 марта

«Настоящий сильный человек должен быть выше жалости и сострадания. Эти чувства родились в подземельях, где обитали рабы, и были лишь жалким уделом слабых и несчастных».

Д. Лондон, «М. И.»

Шторм, обледенение... Слова, которые включают в себя определенные понятия. Это значит – болтает, трудно пообедать, неудобно спать, передвигаться, все летит, движется, грохочет. Вот, пожалуй, и все, что думают, когда упоминают о шторме. Но это не все. Словами нельзя передать всего комплекса ощущений, которые нахлынут на тебя во время сильного шторма. Двое суток бушевал сильнейший шторм с непрекращающимися снежными зарядами при температуре минус 6 градусов. Холодно. Вода не успевает сходить с палубы и заковывает судно в ледяную броню. С поручней, надстроек свисают ледяные гирлянды. Судно становится тяжелее, глубже уходит в воду, медленнее возвращается в положение равновесия после крена. Устойчивость ухудшается. Смотри в оба, моряк. Отяжелевший корабль может не подняться после сильного крена, и 23 семьи не узнают даже, где похоронены их сыновья братья, отцы.

На спасение надежды нет – долго в ледяной воде не продержаться. Братская могила, к которой нет доступа. Аврал. Все выходят на отбивку льда. Все – от капитана до повара – ожесточенно долбят ледяные наросты и такие красивые на фотографиях сосульки. Волны обдают их солеными брызгами, проникают сквозь одежду. Но от жаркой работы тело не теплеет. Наконец ледяной убор выброшен за борт. Но это ненадолго. Через два часа снова нарастают ледяные бороды. А шторм грохочет, воем, обрушивается всей своей дикой силой на маленький кораблик.

Мачта пригибается к воде, 45 градусов крена. Штурман судорожно хватается за поручень, чтобы удержаться на ногах. Вывалился с койки на палубу матрос и растерянно ощупывает шишку на голове. Без сентиментальностей! Волна бросает его на другой

борт. Вот теперь щупай вторую шишку. У повара на камбузе несчастье – выплеснулось полкастрюли первого, и он ругает предпоследними словами и шторм, и щи, и свою судьбу, и главную виновницу его беды – Антарктику. Его не видно, и только из клубов пара раздается его визгливый надтреснутый голос.

Идем на юг. До берега материка остается всего 20 миль (Земля Королевы Мод, мыс Норвегия).

Отбушевал шторм.

26 марта

Меньше суток море было относительно спокойным – и снова заштормило. Команда не успевает отбивать лед. Каждые 3-4 часа многотонная ледяная тяжесть давит на китобоец, увеличиваясь с каждым часом. Холодно. Температура понизилась до минус десяти с ветром, что хуже сорокаградусного мороза в безветрие. Барометр упал до 731,5 мм. Это на 30 мм ниже нормального давления. Низкое давление воздуха угнетает, причиняет тупую головную боль.

Волны каскадом брызг летят на мостик, обдают с ног до головы стоящих там людей. А где-нибудь на берегу в это

время собралась веселая компания в уютной теплой квартире, и пусть за окнами метель, пусть мороз трещит в деревьях – здесь тепло, спокойно, весело, и кто-нибудь поднимает тост за тех, кто в море.

Не каждый может понять этот традиционный морской тост. За тех, кто в море, кому спать не дано ночью на вахте, кто борется со штормом и обледенением, кто изнывает в тропиках от чудовищной жары в душной кочегарке, кто пробивается к родным берегам сквозь туман и непогоду, кто гордо несет честь советского гражданина в иностранных портах всего мира. Выпейте за них. Они заслужили этот тост!

27 марта

Домой! Корабли разворачиваются на север, желанный курс. Штормит. Холодно. Обледенение. Но что все это значит, когда нос корабля смотрит туда, где за тысячи миль отсюда находится родная земля? Холодный юго-западный ветер несет водяную пыль, и она оседает в бороде и на бровях ледяными сосульками, течет

колючими струями по спине, пока не согревается от тепла тела. К концу вахты зуб на зуб не попадает, ноги выбивают чечетку. Пустяки! Все равно – курс на север, домой.

29 марта

Прошли сутки, вторые, третьи. Медленно поднимается температура – минус восемь, минус шесть, минус четыре, минус один и наконец-то – теплынь какая! – плюс три.

Барометр поднялся до 752 и вдруг резко на глазах начал падать. Северный ветер свирепо набросился на страну ледяных гор. Он-то и принес потепление и туман. Позади остались Оринейские острова – безлюдные клочки оледенелой земли. Скоро Фолклендские острова, а за ними рукой подать до берегов Южной Америки.

Чудесная вариация на тему «стану сказывать я сказки, песенку спою. Ты ж усни, закрывши глазки, баюшки-баю». Нежная, лирическая – и вслед за ней сногшибательное отвратительно дисгармоническое буги-вуги.

1 апреля

Ночь тиха, безветрена. Входим в «ревущие сороковые». Но тишина какая-то зловещая, нервирующая. Бледные краски неба на заходе солнца, мутные испуганные звезды, резкий круг вокруг луны – все это не к добру. Жди шторма. И правда – тишина продержалась только до утра.

Задул юго-восточный ветер, довольно редкий в этих широтах, и с каждым часом начал крепчать: 4-6-7 баллов. 8-9, 10, 11 баллов в корму. Кажется, что вся рассвирепевшая Антарктика набросилась на уходящую из ее вод флотилию. А по радио из репродукторов льется полная страсти песня аргентинской певицы Лолиты Торез из фильма «Возраст любви».

Сначала на судно неслись седые волны с опрокинутыми гребнями, затем ветер смыл их, сгладил и понес с собой густую водяную пыль. Океан рокотал. Нет, это не свист ветра в снастях – это голос взбесившегося злого океана, который, казалось, задался целью потопить маленький кораблик, запугать и нагнать страху на горстку людей, вступивших с ним в борьбу.

Мужество – это не незнание страха, мужество – это отчетливое представление об опасности, о риске, быть может, связанном с жизнью, и сознательное подавление в себе животного чувства страха во имя более благородной цели, это торжество духа и тела над любыми опасностями. Мужественным может быть только тот, кто видит перед собой цель и смело идет к ней, не считаясь ни с какими трудностями.

Шторм продолжался всю ночь и только в полдень стал постепенно стихать.

3 апреля

Подходим к 40 градусам широты. На небе появились веселые светлые тучки, подувают себе с разных сторон ветерки, а Жора мучает аккордеон и слух окружающих. На палубу не падают потоки воды. Уже 16 градусов тепла. После полутора суток – порты. Монтевидео, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро – мечта Остапа Бендера – приютились на восточном побережье Южной Америки. День и ночь из репродуктора льются без умолку характерные песни. Команда готовится к порту. Мойют помещения, импровизированные парикмахеры кромсают волосы и стараются сделать прическу, причем иногда это даже удается, вытащены на свет костюмы – их тоже надо привести в порядок: почистить, погладить, пришить оборванную пуговицу.

Уже сброшены теплые вещи, и как-то неудобно налегке, как будто чего-то не хватает.

И все торопишь время: быстрее, быстрее. Быстрее бы план выполнить, быстрее бы месяц кончался, быстрее бы уйти из Антарктики, быстрее бы домой. И вспоминаешь время первого свидания, когда хотелось крикнуть известные слова: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» – но, увы, мгновение не останавливалось, а время летело с непостижимой быстротой, и жаль было на рассвете расставаться с любимой. Время неумолимо и никого не ждет. И очень жаль, что нельзя потопить его в Антарктике и заставить медленно течь минуты счастья.

Радио в Монтевидео уже сообщило о предстоящем причале «Славы» в порту.

5 апреля...

Стоим в 17-ти милях от берега. Длинной сверкающей цепью горят огни большого города, а над огнями поднялась в черном звездном небе красавица Венера...

7 апреля...

Вот и Монтевидео.

Корабли ошвартовались у отдаленного пустынного причала. Вход на причал жителям города запрещен.

Выходим в город. Город большой с множеством магазинов, баров. Везде реклама, многоцветные плакаты, афиши кинорекламы. Город живет допоздна, и утром на улицах еще не успевают убрать весь скопившийся мусор.

Из трех миллионов населения Уругвая одна треть проживает в столице – Монтевидео. Может быть, поэтому город имеет тот особенный вид, отличающий его от городов европейских

государств. Центральные улицы широкие чистые, с крупными магазинами. Тут можно встретить последнюю модель американского автомобиля – и буквально в ста метрах стоит на козлах в ремонте старенький «Форд» на колесах со спицами, который уже четверть века колесил по дорогам Америки.

Узенькие улочки грязны и неблагоустроены, на тротуарах выбоины, но реклама и здесь так же пронзительно, как и на главных улицах, кричит о чуде, изготовляемом той или иной фирмой. Вездесущая «Кока-кола» приютилась даже у скромной будочки мелкого торговца.

Утренние часы. До обеда в городе царит вялая размеренная деловая жизнь.

Заходим в закусочную. Столов нет. У длинного прилавка расставлены высокие стулья. Официант внимательно выслушивает заказ и быстро выполняет его. Здесь же на виду у посетителей за прилавком повар подогревает сосиски, купаты, мясные изделия из полуфабрикатов, которые предварительно готовят на кухне.

После обеда порядком уставшие возвращаемся на судно. У входа в порт стоят люди, которые хотели бы посмотреть советские корабли, поговорить с моряками. К нам обращается мужчина средних лет с вопросом, как можно пройти на «Славу». Увы, это от нас не зависит. С этим вопросом надо обращаться к местным властям.

В порту возле нас пустынно. Мы отгорожены невидимым забором полицейских законов от населения города. Но стремление жителей хотя бы издали посмотреть и поприветствовать советских моряков и изобретательная личная инициатива владельцев катеров торжествует. С утра в воскресенье мимо борта проходит первый катер. Пассажиров очень много. Все они машут руками, платочками, выкрикивают приветственные слова. Катера следуют один за другим. Хорошая прибыль для держателей катеров и новое беспокойство для полиции. Приказывают не приветствовать, но попробуй удержать руку с приветствием и зажать рот человеку!

И вот появляется первый черный полицейский катер. Он медленно движется между бортами советских кораблей и катерами – не приближаться! К борту подходит такси с моряками, возвратившимися из города.

Шофер уругваец не хочет брать денег за проезд – не часто приводится возить таких желанных пассажиров. На все уговоры он отрицательно качает головой, а затем говорит о чем-то по-испански, оживленно жестикулируя... Но моряки тоже не хотят бесплатно ехать в его такси, и тогда обе стороны соглашаются на компромисс. Один из моряков достает ассигнацию и пишет на ней: «Уругвайскому другу от советских моряков». Все расписываются, и ассигнация переходит к шоферу, который крепко жмет руку морякам.

Удивительно встретить здесь, за тысячи километров от Родины, такой теплый радушный прием.

Но встречаются и другие факты. Вот: моряки, купившие сувениры – память об Уругвае, – оставили свои покупки в магазине. Хозяин любезно согласился подержать их у себя в магазине до тех пор, пока моряки не осмотрят город. К вечеру, подъехав к магазину, забираем оставленный пакет. Но как велико было удивление, когда, раскрыв пакет, обнаруживаем в нем дополнительно к покупкам дюжину брюк!

Испытываете нашу честность, господин? Напрасно. На следующее утро «случайно» оказавшиеся в пакете брюки вежливо возвращаем владельцу.

Возле порта человек неизвестной национальности в потертом костюме и черном берете останавливает группу наших моряков. Говорит он на ломаном русском языке...

– Я вам могу показать молоденьких веселых девочек. Вы можете хорошо провести с ними вечер. Стоит недорого.

Мы с удивлением смотрим на эту сводню в брюках. Хочется грубо обрезать его. Один из нас холодно отвечает:

– Не стоит беспокоиться, синьор, нас ждут наши девушки, которые не продаются за деньги.

Он удивленно выслушивает.

– Но моряки никогда не отказываются от женщин.

– Моряки разные бывают, – оборачиваясь, говорит ему наш товарищ.

Но он, видимо и так уже понял, что моряки разные бывают.

Желающих попасть на «Славу» очень много, но не многим удастся получить разрешение местных властей, чтобы пройти в порт. Несмотря на это, каждый вечер приходят горожане, чтобы своими глазами посмотреть на советский корабль, поговорить с людьми, посмотреть фильм. Все их интересует, и они забрасывают вопросами моряков. В числе посетивших – министры, члены правительства.

Пришли члены славянского общества. Некоторые из них хорошо ознакомлены с жизнью в Советском Союзе.

Один из них, русский по национальности, проживает вблизи города. Семья переехала в Уругвай еще в 1914 году, и он родился в Уругвае. Он выписывает «Известия», «Огонек». Самой большой его мечтой является желание поскорее приехать в Советский Союз. Разрешение на выезд он уже получил, но билет до Советского Союза стоит очень дорого. Если даже все распродать, то и тогда не хватит на билет. В переводе на наши деньги он стоит более 5000 рублей. Но он надеется, что его мечта осуществится. Он с жаром говорит о необъятных просторах целинных земель. Он прочел, что бухгалтер, житель города, уехал на целинные земли и работает трактористом.

– Мне, – говорит он, – знакомому с сельским хозяйством, не потребуется много времени для ознакомления. Я могу выполнять любую сельхозработу, управлять трактором.

Он раскрывает нам картину жизни, которую не всегда можно заметить сквозь шикарные витрины блестящих магазинов, колонны новеньких машин последних марок, внешнее проявление комфорта.

В городе более 30 тысяч проституток, очень много безработных и рабочих, которые работают не более 10-12 дней в месяц. Мелкие фермеры разоряются, уходят в город и там пополняют собой ряды безработных.

Нам и раньше приходилось читать о подобных проявлениях буржуазного режима, но трудно было себе представить всю тяжесть жизни рабочего и мелкого фермера, о которой он так ясно рассказал.

– Многие из нас мечтают приехать в Советский Союз. Мы знаем, что работа там найдется для нас и на шахтах, и на стройках, и на целинных землях. Мы себе ясно представляем, что на первых порах будет трудно, но наши руки не боятся никакой работы, а сознание, что работаешь для себя, для своей страны, а не для набивания карманов капиталиста, удесытерит наши силы.

Он горячо прощается с нами, крепко жмет руки.

– До скорой встречи, друзья, в вашей стране, когда я получу право назвать вас товарищами.

Здесь же, в порту, стоит американский ледокол антарктической экспедиции. Офицеры ледокола во главе с адмиралом наносят визит на «Славу». Ледокол завтра уходит в Антарктику. Адмирал преподносит в честь визита комплект карт Антарктики, производится обмен кинофильмами для просмотра. Вечером мы смотрим американский фильм. «Высадка на Антарктический континент». Американцы смотрят наш фильм «Советские китобой».

С утра ледокол проходит мимо наших кораблей. Команда и офицеры выстраиваются на палубе, приветствуя советских моряков. На мачте «Славы» взвился сигнал из трех флагов – «Счастливого плавания» – и тотчас же с ледокола последовал ответ «Благодарю».

12 апреля

Но близится время отхода. Уже в котлах гудит пар, делают первые обороты вспомогательные механизмы, и утром на мостике появляется лоцман.

На много миль простирается залив Ла-Плата. К вечеру прошли маяк Лобос. Он таинственно подмигнул нам единственным своим глазом и скоро скрылся в черной ночи, когда Санта-Мария удивленно моргнула, провожая своим лучом.

Атлантический океан, ленивый и притихший, вновь раскинулся перед нами.

Плавание в тропиках всегда однообразно, и если это не первый рейс, не представляет интереса. Переменные ветры проводжали нас до самого тропика Козерога, где сменились SO пассатом. Температура медленно поднимается: 27, 30, 32 градуса... Появились летающие рыбки, изредка вынырнет акулий плавник. Но в основном океан тих и пустынен. На небе повисли легкие неподвижные облака, и к вечеру небо расцвечивается пурпурными и золотыми оттенками, края облаков обрамляются в розовый цвет.

Полная тишина, заходит за горизонт алое солнце – и сразу же вспыхивает Венера, за ней – Юпитер, яркий Каноус. Небо быстро темнеет, и кажется, что звезды растут, усеивают черное небо, переливаются и дрожат. В воде много фосфора. Усы от хода судна загораются нежным салатовым светом. От носа корабля разбегаются светящиеся полосы рыбных трасс. В машине температура достигла 56 градусов, а в кочегарке перевалила за шестьдесят. Где-то далеко на востоке остался уединенный островок Святой Елены, а впереди берега Африки – Золотой Берег, Берег Слоновой Кости.

Пустынный океан живет своей жизнью. Летают рыбки, прожорливая акула увязалась за китобойцем в надежде на поживу, но вскоре отстала. Показались вдаль наклонные фонтаны большого стада кашалотов, проплыла причудливая рыба-молот, а каракатица – живой реактивный двигатель, – все время меняя скорость и направление, рывками передвигалась под водой в погоне за добычей. На поверхности воды, подгоняемые легким ветерком, плыли нежно-розовые фрегаты. Над водой виднелись их гребешки, а под воду были опущены тонкие нити, словно корни. И только птиц не было видно. Сюда уже птица не залетает.

Самые южные созвездия уже не поднимаются высоко и, наконец, мы в Северном полушарии, первым вестником которого явилась маленькая тусклая, едва-едва различимая у самого горизонта Полярная звезда.

Штилевая полоса. Ветра нет. Душно. В машине люди обливаются потом, кочегары после вахты долго не могут прийти в себя от жары, а океан безразлично проходит мимо бортов. Величественный, бездонный, равнодушно-ленивый.

Подул северный ветер, нагнал откуда-то облака, и небо разверзлось невиданным водопадом. Однако дождь длился недолго, и вновь на небе засияло яркое солнце. Ветер сменился и начал дуть постоянный северо-восточный пассат. Обычно сила его невелика. Но в этом году, перевалив 18 градусов северной широты, пассат задул с необычайной мощью. Ночью сила ветра достигла девяти баллов. Китобоец двигался вперед в ореоле светящейся клокочущей пены. Кораблик кланялся подходившим волнам, так же часто отбивали поклоны люди на открытом мостике, чтобы как-нибудь укрыться от потоков воды, летящих на них.

Каждые две-три секунды, без преувеличения, водяные каскады низвергались на мостик, перелетали его и обрушивались на кормовую палубу. Одним из таких каскадов на мостик выбросило большую летающую рыбу. Рулевой проговорил с усмешкой:

– Океан дает выпить и про закуску не забывает.

Действительно, рыба весом более полкилограмма, оказалась довольно вкусной. За чаем началась обычная морская травля. Кочегар передавал «репортаж»:

– Сегодня китобойная флотилия, пересеки экватор, продолжала плавание в северных тропиках, команда загорает в кочегарке и принимает соленый душ на мостике.

Подходим к Канарским островам. Ветер немного стих. Прошли проливом рядом с островом Фуэртевентура, и через трое суток последний порт захода, последний иностранный порт – Гибралтар.

А тут и праздник – 1 Мая. Штормит. Команда выстроилась на кормовой палубе, и под торжественные звуки государственно-

го гимна медленно поднимается флаг нашей державы. Обед весьма скромный – продукты уже на исходе, да и повар разленился. И сто грамм в честь праздника.

К полуночи третьего мая с мостика заметили слабую светящуюся точку. Открылся маяк Скартель, расположенный на африканском мысе, а через полтора часа маяк Трафальгара возвестил об открытии Европы.

Гибралтарский рейд оказался пустынным – несколько кораблей зашли сюда на кратковременную стоянку, чтобы пополнить запасы. Сюда недавно заходила американская эскадра и вышла в Средиземное море. Ее присутствие мы почувствовали вскоре по выходе из Гибралтара.

Американские корабли вели себя в Средиземном море, как в американском озере: останавливали суда. Запрашивали позывные, нахально, не считаясь с морскими правилами и обычаями, пересекали строй флотилии.

К рассвету 10 мая показался греческий мыс Матапан, и через четыре часа плавание продолжалось в Эгейском море. Со всех сторон теснились хмурые гористые острова архипелага Белопуло.

Из-за острова Макронисос вышел небольшой неуклюжий, как утюг, военный греческий сторожевой корабль. Согласно международным обычаям, мы первые приветствовали его, приспустив до половины мачты флаг. Он ответил на приветствие, также приспустив свой флаг. На мостике и палубе матросы и офицеры приветствовали советские корабли, махая руками и бескозырками. Еще два года назад не было таких дружелюбных приветствий. Команды советских кораблей высыпали на палубу, раздавались приветственные выкрики, и три продолжительных гудка обоих судов пожелали друг другу счастливого плавания и скорого возвращения на Родину.

Но вот уже входим в Босфор. Вечер. На площадках башен минаретов зажглись огни, светящаяся реклама расчерчивала замысловатые фигуры и незнакомые турецкие подписи.

На мостик поднялся небольшого роста полный турок-лоцман и повел проливом. Команды рулевому подавались на русском языке. Третий помощник предложил лоцману папиросу. Тот взял

ее и стал разглядывать рисунок на коробке – «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

– Красивый рисунок, – сказал он.

– О, да! Даже очень. Русским такие рисунки очень нравятся, – отвечал третий помощник со скрытой иронией в голосе.

Босфор остался за кормой. Впереди раскинулось родное Черное море. И все как будто бы стало иным. Кажется, какая может быть разница между Черным и, например, Средиземным морем? И там вода, и тут вода. Там ясное небо с теми же звездами, что и тут. Но разница есть. Откуда-то издалека ветер приносит запах йодистых водорослей, звезды тусклые и более знакомы, чем где бы то ни было, в любом месте земного шара. Кажется, что даже дельфин черноморский прыгает вокруг носа не так, как дельфины в других морях.

– Знаешь, – говорит мне товарищ, – вот уже полгода как ушли мы из своего порта и каждый раз считали дни, когда снова увидим родные берега... Очень ждали этой минуты... А вот сейчас, когда до порта остаются считанные часы, когда уже осязаемо чувствуешь радость встречи, радость возвращения – рождается какое-то чувство непонятное, жаль, вроде, что последние часы рейса идут, что уже не будут будить тебя в привычное время на вахту, что у каждого из нас появятся другие интересы, кроме общих.

Что это? Любовь ли к морю, или привычка к определенной обстановке корабля? И все равно торопишь время: быстрее, быстрее. Ох, как долго тянутся эти последние часы!

Последние часы... Не месяцы, не недели, даже не дни, а только часы... И на рассвете появятся знакомые очертания берегов, знакомые здания и близкие лица, которые так долго ждали этой встречи, и которых так хотелось видеть в продолжении многомесячного рейса...

